

Камила Левитан

The background of the book cover is a composite image. In the foreground, a woman with dark, wavy hair and a black, long-sleeved, off-the-shoulder dress looks off to the side with a concerned expression. In the background, a man in a white shirt and dark tie is embracing a woman in a light-colored dress in a bedroom. A white crib with a teddy bear inside is visible in the lower right. A city skyline is visible through a window on the left.

Развод
с предателем.
Чужая колыбель
в моей спальне!

Камила Левитан

**Развод с предателем. Чужая
колыбель в моей спальне!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Развод с предателем. Чужая колыбель в моей спальне! /

К. Левитан — «Автор», 2026

Я вернулась домой раньше срока и обнаружила в нашей спальне чужую колыбель. Рядом стояла молодая красавица с младенцем на руках, а мой муж улыбался так, будто это лучший сюрприз на годовщину! Денис предложил мне переехать в гостевой дом. Пока его новая пассия обживалась в моей спальне, он готовил документы, чтобы отобрать мою архитектурную студию, дом и все накопления. Но одна деталь разрушила его идеальный план. Я нашла договор, по которому муж заплатил за собственную измену! Оказалось, новая семья — всего лишь спектакль. А настоящая цель — уничтожить меня. Ты хотел развода, дорогой? Теперь я разрушу твою тщательно выстроенную ложь!

© Левитан К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Камила Левитан

Развод с предателем. Чужая колыбель в моей спальне!

Глава 1

Такси разворачивалось за воротами, а я всё искала ключ в сумке. Денису звонить не стала: отпустили с объекта раньше, годовщина на носу — пусть хоть раз обрадуется мне без предупреждения. Уже видела, как он поднимает голову от ноутбука: «Вер? А ты откуда?»

Сумку оставила у чёрного хода. Митя ночевал у моей мамы; до утра можно было побыть вдвоём. Сняла бы и пальто, но из гостиной донёсся скрип. Я остановилась с рукой у пуговицы. У нас так скрипела старая тележка для образцов, которую Денис велел убрать ещё летом. Каблуком нащупала стык паркета, прислушалась. Скрип повторился, медленнее. Кто-то двигал что-то тяжёлое прямо возле моего рабочего стола.

Скрип.

К скрипу прибавился тихий щелчок. Колесо переехало стык досок? Я слишком хорошо знала этот пол: сама спорила с укладчиками из-за каждой щели. И всё равно не могла понять, что слышу. Перед аркой остановилась, не заходя в гостиную. В горле толкнулось сердце. Сначала посмотрю, решила я. Вряд ли Денис принёс домой ту тележку; он даже её вида не терпел.

У моего стола стояла коляска. Серый капюшон, хром на ручке — хорошая, дорогая. Я зачем-то проверила колёса: всё ещё надеялась, что принесённую вещь можно объяснить. На стеклянном столике лежал лист А3. Край загнулся; прижала его пальцем и увидела план нашей спальни.

Над гардеробной карандашом написали: «Лика».

План узнала сразу. Свою гардеробную я когда-то уменьшила ради Денисова кабинета. Помнила спор о полках, даже место для его чемодана помнила. Теперь кто-то собирался передвигать эту стену обратно. Кто такая Лика? Денис иногда подписывал имена заказчиков на чертежах, но здесь зачем? Я посмотрела на фамилию внизу листа. Ничего утешительного там не нашла.

Телефон выскользнул из пальцев, я подхватила его о край столика. Камера всё-таки открылась. Сняла лист целиком, чтобы на фотографии остались подпись и дата. Потом ещё раз: первый снимок вышел кривым. Заставила себя проверить, читаются ли буквы. Можно дрожать, можно ничего не понимать, но испортить сейчас единственную фотографию я не имела права.

— Вер? Ты уже здесь?

Я узнала голос раньше, чем увидела Дениса. Обычно на это «Вер» сама шла к нему, даже если была сердита. Сегодня осталась у столика. Он появился в кашемировом свитере, причёсанный, как перед встречей, и улыбнулся. Развёл руки: вот он, твой сюрприз, теперь подходи.

Свитер пах его «Bleu de Chanel». Я машинально вдохнула ещё раз и пожалела. Жасмин. Сладкая клубника. Когда обнимают человека, духи остаются на одежде; я сама не раз сердилась, что мои перебивают его одеколон. Эти духи были чужими. Они не спрятались даже за знакомым запахом. Я смотрела на ворот свитера и ждала, что он сам хотя бы спросит, почему я молчу.

— Unexpected surprise, — произнес он по-английски, пытаясь придать лёгкость ситуации. — Я думал, ты будешь счастлива увидеть нас.

Нас. Я почти повернула голову, проверить, не стоит ли за мной кто-то ещё. Он уже включил в это короткое слово человека, о котором я ничего не знала, а мне предлагал радоваться. Хотелось спросить «кого — вас?», но возле коляски вопрос выглядел глупо. Я отступила от его рук. Пальто мешало двигаться, сумка осталась в прихожей. Ничего — домой я уже вошла, снова выйти он меня так просто не заставит.

— Ребенок спит? — спросила я, глядя на коляску.

Денис моргнул. Опустил руки и посмотрел туда же. Видимо, про коляску ответ был приготовлен лучше, чем про моё раннее возвращение. — О, да, она немного капризничала. Мы пытались ее успокоить. Ты же знаешь, дети требуют много внимания. Особенно такие маленькие.

Она. Уже умеет отличать её капризы? Я зацепилась за это с какой-то мелочной, постыдной настойчивостью. Он ведь ворчал, если Митя слишком громко играл. А эту успокаивал. Хотелось вспомнить хоть один раз, когда сам добровольно вставал ночью, — и я не могла.

Из спальни заплакали. Я прислушалась, сглатывая: ребёнок не захлёбывался, плакал ровно, с паузами для вдоха. Следом женщина рассмеялась. Смех шёл из комнаты, где я ещё вчера по телефону попросила Дениса полить цветок.

— Денис, дорогой, она хочет пить!

Блондинка вышла с младенцем на руках. Красивые зелёные глаза, пухлые губы, шелковый халат. На ней он сидел так, как на мне не сидел никогда; я узнала дорогой шелк, к которому когда-то приценивалась и отказалась. Лет двадцать шесть, решила я. Ребёнку — несколько месяцев, может, восемь. Носок на маленькой пятке съехал. Почему-то именно это заметила в первую очередь.

Она осмотрела мой костюм и усмехнулась. Халат даже не поправила. Я стояла перед ней одетая для работы, с телефоном в руке, а она собиралась нести ребёнка на мою кухню. Знала дорогу. Прошла между нами, чуть повернув плечо, чтобы меня не задеть.

— Привет, Вера, — сказала она. — Денис говорил, ты задерживаешься. Жаль, что ты не увидела, как мы обустроиваем спальню. Там будет просто космос.

Она назвала меня по имени так непринуждённо, будто мы уже договорились, кому какая половина дома. Меня особенно задело её «космос». Я трижды меняла оттенок стены в спальне, потому что Денис жаловался на холодный свет. А с ней, значит, можно космос. Лица обернулась на кухонном пороге, проверила моё лицо и пошла дальше. Я прикусила щёку, удерживая ответ. Не дам ей унести с собой ещё и мой крик.

Я проводила Лику взглядом. По её походке было видно, что не впервые идёт на кухню. Дверцу открывает, не глядя на ручку. Меня задело это сильнее халата: она уже знала, как устроен наш дом. Тот, в котором я выбирала даже направление, в какую сторону должны открываться шкафы. — Денис, — позвала я, достаточно громко, чтобы услышала и она.

Он шагнул ко мне, словно собирался заслонить кухонную дверь. — Давай пройдем в кабинет, Вер. Нам нужно спокойно поговорить. Ты устала после дороги... — Нет. Я хочу осмотреть обновленную спальню лично. Прямо сейчас.

В кабинете я бы села в гостевое кресло напротив его стола. Он всегда так усаживал меня для серьёзных разговоров, а потом долго объяснял, чего я не понимаю. Сегодня я хотела увидеть комнату. Он взял меня за руку; я посмотрела на пальцы и высвободилась раньше, чем начал тянуть. — Вера, не надо драмы... — Я не устраиваю драму, Денис. Я проверяю качество работ.

Пошла по коридору. С каждым шагом всё труднее было верить, что действительно сейчас войду туда, где спала с ним. Дверь приоткрыта. Толкнула плечом, потому что телефон так и держала в руке.

На белье лежали носочки, плюшевый заяц, несколько игрушек. Простыню скомкали. Я выбирала этот комплект полгода: примеряла оттенки к стене, выискивала ткань, которую при-

ятно трогать утром. Теперь на моей стороне кровати были крошки. На тумбочке стояла смесь. Зеркало над изголовьем отражало всё сразу, и мне захотелось накрыть его полотенцем.

Денис остался возле двери. Ждал, когда повернусь к нему, спрошу. Я вместо этого смотрела на подушку. Кто-то отодвинул её. Погремушка заняла место моей руки. Вот и весь ремонт: несколько маленьких вещей, которые не давали мне сесть. Голова ещё пыталась найти объяснение, тело уже держалось подальше от кровати.

Я хотела схватить игрушки и выбросить. Вместе с подушкой, бельём, зеркалом. Потом представила, как он расскажет соседям: Вера бросалась на детские вещи, пришлось успокаивать. Пальцы стиснули телефон. Если сделаю хоть один снимок, у него не получится оставить мне только собственные слова об этом вечере. Сейчас мне нужна была власть знания — единственная, которую он не мог просто перекричать.

На покрывале лежал мокрый хлопковый носок с единорогом. Подняла двумя пальцами. Детская слюна, такой знакомый запах молока; меня передёрнуло от того, что даже это я узнаю здесь, на своей постели. Младенец ни при чём. Он вообще не должен был оказаться посреди нашего разговора, но его уже поставили между нами.

Убрала носок в карман пальто. Сама не знала, что потом с ним делать. Пока хотя бы останется вещь, которую я действительно взяла здесь, а не придумала после дороги. Телефон согрелся в ладони. Повернулась к Денису, всё ещё стоявшему у двери. — Это временная помощь, Вера. Родственница. Очень близкая. У нее проблемы, стресс, депрессия. Она нуждается в поддержке. Я не мог отказать женщине с ребенком на руках. Это вопрос человечности.

«Родственница». Я почти ухватила за это слово. Какую родственницу я могла не знать? В голове мелькнули его тётки, двоюродная сестра, фотографии с семейных праздников. Ни одной Лики. Денис говорил дальше, не давая мне вставить вопрос, и уже укорял за недостаток человечности. Я смотрела на его губы. Ещё вчера могла бы поверить только потому, что очень хотела поверить. Сегодня их носочек лежал у меня в кармане.

У Дениса оставалось то же лицо, которое я раньше разглядывала, пока он спал. Я помнила крошечную складку возле губ, любила её. Теперь он стоял передо мной и ждал, когда я помогу ему закончить объяснение. Не помогла. Складка никуда не исчезла; любить её уже было недостаточно, чтобы отдать ему спальню.

Уголок рта потянуло от укушенной щеки. Улыбнуться удалось только одной стороной. Он принял и это; внимательно смотрел на мои губы, словно там должен был появиться ответ. Я решила дать ему именно ту улыбку, за которой пришёл.

— Да, ты прав, Денис. Стресс бывает разным. Иногда он требует радикальных решений.

Денис выдохнул, опустил руки и чуть склонил голову, словно принимал извинения. От этой почти незаметной любезности у меня свело зубы. Он уже возвращал нас в привычный порядок: я перебесилась, он великодушно простил. Хотелось сказать, что никаких извинений не будет. Вместо этого я проверила пальцем карман. Носок был на месте. Телефон тоже. Две вещи, которые он не успел у меня отнять.

Но он ошибся. Я не приняла его ложь. Я начала собирать компромат. Карман пальто тянул вниз, напоминая о себе весом этого маленького носка. Фотография проекта на телефоне пульсировала в памяти.

Я посмотрела на Дениса, который уже мысленно праздновал победу, и поняла: если я начну плакать, он потеряет меня. Если я буду улыбаться — он потеряет всё остальное.

Глава 2

В спальне я остановилась перед кроватью. Отсюда Лика ушла на кухню, сюда же вернулась с бутылочкой и ребёнком. Наверное, успела поплакать: под глазами размазалась тушь. Меня это не растрогало. Пока я смотрела на покрывало, она уселась посередине, скрестив ноги, словно разрешала забрать несколько вещей из своей комнаты.

Ребёнок тянул соску, шевелил пяткой со съехавшим носком. На простыне остались крошки печенья. Я начала считать, сколько минут уйдёт, чтобы снять бельё, и одёрнула себя. Никакой стирки. Сначала рубашки, рабочие папки, шарфы. Без чертежей мне утром нечего будет делать в студии, а у Дениса появится повод рассказать, как плохо я работаю.

На верхнюю полку пришлось тянуться. Её передвинули, мою стопку сдвинули в угол. Лика молча смотрела. Я достала первые вещи, положила возле раскрытого чемодана, открыла вторую створку. Одно дело за другим: руками ещё могла управлять, если переставала вслушиваться в её дыхание. Вытащила папку с чертежами. Она цеплялась за рукав халата в шкафу; пришлось высвобождать угол, чтобы не порвать бумагу.

— Зачем собирать? — спросила Лика. Ребёнок всё ещё тянул соску, но она перестала покачивать его. — Денис сказал, ты переедешь в гостевой дом. Там уютнее для одиноких женщин. С видом на сад, правда, там только сорняки, но тебе сойдёт.

Я поставила папку на торец. Не смогла сразу отпустить: она упала бы, а я полезла бы собирать листы у Ликиных ног. Вот этого точно не надо. Гостевой дом. Мне назначили место ещё до возвращения, осталось отправить туда чемодан. Она ждала, что спрошу мужа, правда ли это. Я посмотрела на её белые зубы. Улыбка исчезла, а слово «одиноких» всё ещё стояло между нами.

Рубашки вернула на полку. Если сложу их в чемодан, для Лики это станет согласием на переезд. Пусть полежат. Достану потом, когда захочу. Повернулась к ней, удерживая пальцы на краю шкафа, — было нужно за что-нибудь держаться, но ей об этом знать незачем.

— Гостевой дом — это собственность ООО «Денис Групп», — сказала я. — У меня есть право доступа ко всем помещениям этого юридического лица. Ты здесь незаконно. А ребёнком не прикрывайся. Я спрашиваю, кто пустил сюда тебя.

Лика перестала улыбаться. Она уже назвала Дениса, теперь пришлось бы повторить: он сам впустил. Хотелось пойти за мужем и поставить его третьим — пусть отвечает при ней. Но тогда пришлось бы слушать про родственницу и человечность. Я ещё успею. Сейчас важно было, чтобы Лика не командовала моими вещами.

Младенец заплакал. Соска выскользнула из рта; Лика неловко подхватила бутылочку и посмотрела на тумбочку, где стояла другая. Её движения сразу стали резче. Мне захотелось сказать, чтобы поддержала голову. Прикусила язык — ребёнок уже уверенно держал её, а я искала причину вмешаться и прекратить плач.

— Подай бутылочку! — она указала на тумбочку. — Быстро! Она голодная, а я забыла взять новую смесь!

Бутылочка стояла возле её локтя. Я могла бы подать. Знала, как проверить температуру, наклонить соску, чтобы не наглоталась воздуха. Но Лика смотрела не на ребёнка, а на меня: выполнишь или нет? У меня даже руки потянулись прежде, чем опомнилась. Вернула их на край шкафа. Пусть возьмёт сама. Рядом с этой женщиной я не стану нянькой, которая убирает последствия её прихода.

— Я архитектор, а не сиделка, — сказала я. — Если ребёнок голоден, у тебя есть руки. Или найми кого-то другого. Меня здесь нет.

Ответ прозвучал слишком громко. На мгновение стало стыдно перед младенцем, который ни в чём не виноват. Я смотрела на Лику, пока она поправляла ребёнка на подушке. На эту

паузу у неё хватило времени; на смесь не хватало. Вместо бутылочки она взялась за коляску, стоявшую в углу. Выкатила её в проход. Колесо скрипнуло — тот же звук, которым дом встретил меня у чёрного хода.

Коляска перекрыла выход. Чемодан за нею пришлось бы тащить через кровать, прямо возле подушки. Лика выпрямилась и пригладила халат. Ждала, что начну спорить о том, чей здесь дом.

— Пока я здесь, ты не заберёшь ни одной вещи, — процедила она. — Денис дал мне ключи. Это мой дом. А ты — гостя, которую просят уйти.

Я перевела взгляд на ручку двери. Лика тоже посмотрела туда и подалась вперёд — ждала, что стану двигать коляску. Чемодан остался у шкафа; до выхода с ним было не добраться. Без чемодана пролезла бы боком, но рядом на кровати лежал ребёнок. Толкни раму, задень её колено — и Лика завизжит, что я бросилась на младенца. Ей уже не требовалось выгнать меня. Достаточно было заставить сделать один дурной шаг.

Я оценила препятствие. Ширина проёма позволяла пройти боком, если убрать плечи, но коляска перекрывала прямой путь. Силой двигать её нельзя — начнётся возня, шум, кто-то может упасть. И тогда я стану виновницей травмы ребёнка.

Я медленно достала телефон. Нажала запись видео. Камера поймала ракурс: Лика на моей кровати, ребёнок рядом на подушке и коляска, перекрывшая выход. Лицо Лики исказилось от злости.

— Что ты делаешь? — Лика дёрнулась, но не двинулась с места.

— Фиксирую нарушение прав собственности и попытку незаконного захвата помещения, — сказала я, даже не взглянув на экран. — Запомни, Лика. Каждое твоё слово здесь будет использовано в суде.

На лице Лики выступили бледные пятна. Она потянулась к телефону, остановилась и поправила халат, закрывая грудь. До камеры её вполне устраивало, как она выглядит. Теперь пришлось смотреть не на меня, а на собственное отражение в объективе. Я держала аппарат выше, чтобы в кадре оставались кровать и коляска. Не только её красивое лицо, которое она уже подставила свету.

— Верочка, ну не надо так, мы же одна семья, — пропела она в камеру, снова взяв на руки плачущего ребёнка. — Ты просто ревнуешь. Мы ведь все понимаем...

Продолжала держать телефон, пока она позировала. В камере было видно коляску и кровать. Я знала, какой кусок прохода остаётся за шкафом: при ремонте сама просила оставить его свободным, чтобы можно было выйти в гардеробную, не обходя кровать. Около полуметра. Чемодан там не пройдёт, но сейчас мне нужно было пройти самой.

Отступила к стене и повернулась боком. Плечом задела ручку шкафа, блузка зацепилась. Освободила ткань, не спеша, хотя Лика всё ещё говорила про семью. В гардеробной включила фонарик телефона. На столе Дениса лежали документы. Чужим вещам здесь давали больше места, чем моим папкам в спальне.

Раньше я бы не открыла ящик без его разрешения. Посмотрела на ручку, потянула. Папки с логотипом фирмы, договоры, акты. Взяла верхнюю и развернула на столе: читать на весу не получилось, рука дрожала. Сняла подпись, сумму и дату. Потом соседнюю страницу. Следила, чтобы край не закрывал реквизиты.

На четвёртой фотографии увидела передачу прав на участок в центре города. Денис написал два дня назад. В те дни он рассказывал о командировке; я тоже была на объекте и не могла проверить, куда ездит. Ниже значилось ИП «Лирика», зарегистрированное на мать Лики. Перечитала имя. Вернулась к сумме. Всё ещё хотелось, чтобы в этих бумагах оказался однофамилец, но подпись мужа я знала слишком хорошо.

Подпись матери Лики стояла возле суммы, которую я перечитала дважды. Участок. Два дня назад. Пока я на объекте ругалась из-за плитки, здесь оформляли передачу земли. Хоте-

лось перевернуть лист и увидеть обычное приложение к договору, какую-нибудь скучную ошибку секретаря. Но имя получателя никуда не исчезало. Я сняла страницу целиком, потом отдельно подпись. Пока не знаю всего — хотя бы эти цифры у меня останутся.

Дверь гардеробной распахнулась. Свет из спальни ударил в глаза. На пороге стоял Денис. Кашемировый свитер, тот же, в котором он встретил меня. Никакого портфеля — он всё это время был дома. Он выглядел уставшим, но его глаза метались, сканируя комнату. Он видел телефон в моей руке. Видел открытые папки.

— Что тут происходит? — его голос был низким, опасным. Он сделал шаг вперёд, вторгаясь в моё личное пространство, как хозяин, вернувшийся в свой вольер. — Вера, убери телефон. Ты нарушаешь мой покой. Ты копаешься в моих вещах. Это неприлично.

При слове «неприлично» я едва не захлопнула папку. Денис приучил меня сперва исправлять тон, потом уже выяснять, права ли я. Сейчас закрытая папка помогла бы только ему. Оставила раскрытой.

Опустила телефон к бедру. Перед этим успела увидеть, что снимки ушли в облако; повторять загрузку при Денисе не придётся. Он смотрел мне в лицо, я — на него, а открытый договор всё ещё лежал между нами. Не стану оправдываться за то, что прочитала собственную фамилию в его бумагах.

— Твой покой стоит дорого, Денис, — произнесла я тихо. Голос не дрожал. — Но я вижу, куда уходят наши активы. И чья мать их получает.

Денис не сразу ответил. Обычно он поправлял любую мою неточность, даже если речь шла о заказе продуктов. Теперь только посмотрел на папку в моей руке. За дверью Лика всхлипнула, и он резко повернулся на звук, будто она могла ещё что-то выдать. Я не стала задавать второй вопрос. Пусть сам решает, сколько я успела прочитывать: экран телефона уже погас, а фотографии ушли в облако.

Денис не отвечал. Из спальни доносилось тихое шуршание — Лика ещё была там, хотя он сейчас обсуждал со мной только «покой». Я придержала папку. Ответить на мой вопрос значило назвать получателя земли при женщине, которая прекрасно знала это имя.

Я не просто жена, которую обманули. Я — мишень в игре, правила которой я только начала читать. И теперь я держала в руках карту хода.

Глава 3

На диване я села так близко к краю, что ноги затекли через несколько минут. В глубину подушек не откидывалась: там собирались смотреть кино в нашу годовщину. Денис прошёл на кухню. Я слышала, как он открывает шкафчик с бокалами, и не могла решить, встать ли сразу. Сначала скажет всё, решила я. Потом уже буду уходить.

Денис вошел бесшумно. В его руках был бокал красного вина, который он держал с той же небрежной уверенностью, с какой раздавал бриллианты на благотворительных вечерах. Он подошел ближе, протягивая мне стекло. — Вера, пожалуйста. Выпей. Тебе нужно успокоиться. Я понимаю, что это шок. Но ты должна меня выслушать. Лика... она просто навязывалась. Я пытался ее остановить, я хотел сохранить нашу семью, но она использовала момент слабости. Я запутался, Вера. Это было недоразумение.

Бокал оставила в его руке. Мне ещё нужно было разговаривать, а от вина легко расплакаться. На ладонях у него не было ни крема, ни следов уборки; я разглядывала их с дурацкой надеждой найти что-нибудь, что он хотя бы сделал сам. Даже коляску ведь катала не я. Этот человек лгал даже своей гигиеной. — Где коляска? — спросила я. Голос вышел сухим, треснувшим от долгого молчания.

Денис остановился на полуслове. Бокал всё ещё торчал между нами; он опустил его, потом опять протянул. Мне пришлось отодвинуть колено, чтобы он не пролил вино. Пока подбирал ответ про коляску, успел посмотреть в сторону кухни. Я тоже могла туда сходить и проверить. Он это заметил и заговорил быстрее. — Коляска? Зачем тебе коляска? Она... она уже уехала. Мы договорились.

— Ты пахнешь дешевым детским кремом и страхом, Денис, — перебила я, игнорируя его попытки перевести тему.

Он резко поставил бокал и схватил меня за плечи. Ворот жакета врезался в шею; руки сами пошли к его запястьям. Денис наклонился, как прежде наклонялся для поцелуя, и я не успела решить, отталкивать ли. Он начал говорить раньше, чем смогла высвободиться. — Ты меня не слушаешь! — повысил он голос, его лицо исказилось от раздражения. — Я пытаюсь спасти нас! Почему ты всегда такая холодная? Почему ты не можешь проявить элементарную человечность?

Встала с самого края дивана. Его пальцы ещё держали жакет; отвела плечо, пока ткань не выскользнула. Отступила на шаг. Не хотелось провоцировать удар, но оставаться сидеть под его руками было хуже. — Не трогай меня. И не смей называть мою реакцию отсутствием человечности. Человечность — это когда ты убираешь чужого ребенка из моей спальни, а не прячешь доказательства своего предательства в карман.

Денис хрипло рассмеялся, но смех вышел нервным, коротким. Он достал телефон, быстро пролистывая экран, и повернул его ко мне. — Смотри! Вот переписка. Я писал ей: «Убирайся навсегда, ты разрушаешь мою жизнь». Я отказывал ей! Я требовал, чтобы она ушла! Верь мне, Вера.

Я смотрела не на текст сообщений. Мой взгляд упирался во время отправки. 21:45. Несколько минут назад. Лика уже уехала. Он писал ей после отъезда, а мне показывал сообщение как доказательство того, что не хотел её здесь видеть. — Это фейк, — сказала я ровно. — Или ты удалил реальные сообщения перед тем, как показать мне этот спектакль. Ты думаешь, я архитектор только домов? Я читаю чертежи лжи так же хорошо, как планы этажей. Там нет ни слова о том, кто платил за эту «случайную» встречу. Нет упоминания того, кто возил ее сюда, пока я была в командировке. Или этого тоже не было?

Денис сжал челюсти. Я старалась не задеть диван, отступая: ещё шаг — и пришлось бы сесть, а он стоял бы надо мной. Если начну оправдываться за свой характер, мы опять не дойдём

до денег. — Ты сведешь счеты? — прорычал он, теряя остатки самообладания. — Ты всегда была такой расчетливой. Холодной. Именно поэтому я искал тепла вне дома! Потому что ты не способна любить!

Денис ударил кулаком по столу. Мамина заварочная крышечка подпрыгнула, а сам чайник опрокинулся и разбился. Я успела услышать отдельный тонкий звон ручки, прежде чем по паркету рассыпались осколки. Он не посмотрел вниз. Я посмотрела. Мама всегда брала этот чайник двумя руками; берегла даже потёртую позолоту у носика.

Присела и подняла крупный черепок. Осторожнее, сказала себе, острые края. Денис следил, как я собираю фарфор. Я поднялась, подошла к пиджаку на стуле и сунула черепок в карман. Пусть останется у него, раз так нужен был последний удар. — Фарфор был дорогим, — сказала я. — Как и твоя ложь. Она тоже стоит денег. И ты заплатишь за нее сполна.

Он отступил. Потом стал шарить по карманам брюк, достал сложенный лист и протянул так быстро, что бумага ударилась о мою ладонь. Неужели приготовил заранее? Я взяла, но не развернула сразу. — Давай решим это красиво. Развод. Без скандалов, без судов. Я даю тебе квартиру в центре, две комнаты, ремонт сделан. Плюс пять миллионов на руки. Подпиши документы о добровольном уходе. Не выноси сор из избы. Это забота о твоём будущем, Вера. Честная сделка.

Внизу страницы шрифт был мельче. Подвинула лист к торшеру и прочитала пункт 4.2: передача прав на интеллектуальную собственность студии «Вертикаль». Застыла на названии. Семь лет. Чертежи, заказчики, их кухни, гостиницы и офисы — всё, над чем я сидела ночами. В эту квартиру он собирался отправить меня без работы, которой я могла бы себя содержать. — Ты пытаешься купить мои патенты и клиентскую базу за цену ремонта однушки? — спросила я. — Ты не предлагаешь заботу. Ты предлагаешь ограбление.

Денис наклонился к листу. Прижала пальцем пункт, чтобы не стал переворачивать страницу. — Без меня ты никто! — закричал он. — Твоя студия держится только на моих связях! На контрактах с моими застройщиками! Если ты не подпишешь, я заблокирую твои счета через общий холдинг. Ты останешься на улице! Никому не нужна дизайнерша с разбитым сердцем!

Я прикусила щёку. Он мог перекрыть часть контрактов; прекрасно это понимала. Но отдать студию добровольно? Собрала уголки листа, которые разъехались под пальцами, и улыбнулась. — Попробуй. Я уже начала проверять твои сделки. Денис, ты настолько глуп, что считал меня сломленной игрушкой, пока я фотографировала документы в твоей гардеробной. Я знаю, где лежат накладные на материалы для «Заречья». Я знаю про двойную бухгалтерию фонда. Интересно, что скажет Артур Волков, если увидит эти файлы?

После имени Артура Денис так и остался с открытым ртом. Я впервые произнесла его вслух в нашем доме и сама не знала, чего ждать. Бывший следователь, частный сыщик — пока это было только имя, которое Денис явно не хотел слышать. Под пальцем шуршал край соглашения. Хотелось спросить: «Испугался?» Не спросила. Лучше пусть думает, сколько файлов уже не у него.

— Разговор окончен, — сказала я, отступая от стола.

Я направилась к выходу из гостиной, к длинному коридору, ведущему к входной двери. Шаг за шагом, чувствуя спиной его взгляд, полный бессильной ярости. Денис рванул вперед, пытаясь перехватить инициативу физически. Его рука метнулась к моему запястью, пальцы впивались в кожу, останавливая движение. — Мы еще не закончили разговор, Вера! — крикнул он, пытаясь развернуть меня к себе.

За его рывком я шагнула в сторону. Запястье согнулось, пальцы мужа соскользнули с рукава; у самой двери удалось наконец вернуть руку к себе. Она ещё болела, и я прижала её к животу, прежде чем обернуться. — Теперь очередь за доказательствами. А ты оставайся здесь, среди своего фарфора и своих лживых обещаний.

Дверь гостиной хлопнула у меня за спиной. До спальни я шла, считая стыки паркета, и всё ждала, что Денис снова схватит за руку. Запястье ныло. Прямо возле двери перестала слушать его шаги и достала ключ: хватит ждать, пока он позволит мне уйти. Нужно было закрыться, проверить загрузку и только потом попробовать нормально вдохнуть.

Дойдя до спальни, я закрыла дверь. Поворот ключа в замке прозвучал громко, утверждающе. Я знала, что он может выбить дверь. Может начать ломать замок. Но я оставила ключи внутри, на тумбочке, рядом с телефоном, где горели зеленые огоньки загружаемых файлов. Я хотела хотя бы несколько минут провести за дверью, которую нельзя просто толкнуть.

Я села на край кровати, тяжело дыша, хотя физически не устала. Эмоциональное напряжение выкручивало внутренности. Внезапно тишина дома нарушилась. Не скрипом половиц в гостиной. Не шагами Дениса. Снаружи, в темноте прихожей, раздался щелчок открывающейся входной двери.

Я замерла. Ключи были у Дениса. Он остался в гостиной. Кто мог войти? По прихожей кто-то прошёл, не торопясь и не зовя хозяина. Не каблуки Лики. Денис обычно шаркал дома, особенно после вина; эти шаги были тяжелее. Я слушала, пытаюсь угадать расстояние до моей двери. Прежде чем позвать, надо понять, когопустили.

Щелчок замка на двери спальни снова отвлек внимание. Но теперь я смотрела не на дверь. Я смотрела на окно, выходящее в сад. В отражении стекла я увидела силуэт. Высокий мужчина в плаще стоял у окна, глядя внутрь. Его лицо было скрыто тенью, я старалась запомнить его стойку. Спокойную. Опасную. Это был не Денис.

Глава 4

На следующий вечер дверь хлопнула так, что в спальне задрожали занавески. Я замерла с горсткой перчаток для уборки в руках, чувствуя, как сердце ухает вниз, в холодный живот. Денис вернулся раньше. Намного раньше. И от него пахло не Ликиной дешевой ванилью и потом чужого ребенка, а дорогим мужским одеколоном — «Аква ди Парма», тяжелый, древесный, запах деловых переговоров и власти.

Он вошел в комнату, даже не сняв пиджак. Его глаза, красные от недосыпа, метнулись к комоду, в нижнем ящике которого я только что прятала документы. Потом на меня. На мои руки, испачканные кремом для кожи.

— Голодна? — спросил он хрипло. Голос был властным, привычным тоном девелопера, который требует отчетность до полуночи. — Ужин. Как обычно. Без извинений за опоздание, без вопросов о том, где я был. Просто еда.

Я кивнула и спрятала перчатки в ящик. Он сказал «ужин» так, будто заказал машину, и уже отвернулся, не дожидаясь ответа. Дома меня не спрашивали, что я хочу есть. Это открытие было совсем маленьким рядом с Ликой, но почему-то обожгло. Денис задержался возле комода. Я видела в зеркале его взгляд и старалась не посмотреть туда же: в нижнем ящике лежали мои копии.

Мы спустились в столовую. Белая скатерть лежала на столе идеально ровно, но мои руки дрожали так сильно, что бокал с вином звенел о фарфор. Я налила ему бордо, темное, густое, и вино потекло по стеклу. Капля сорвалась, упала на белую ткань, растеклась кровавым пятном.

Денис посмотрел на пятно. Потом на меня. — Аккуратнее, Вера. Это итальянский лен. Ты же знаешь, сколько стоит замена.

— Прости, — прошептала я, чувствуя, как подступает ком к горлу. — Я... я неуклюжая сегодня.

— Неуклюжая жена всегда хуже плохой жены, — бросил он, отпивая вина. — Пойди умойся. Приведи себя в порядок. А я пока проверю почту.

На скатерти расплзлась капля. Я следила за ней, пока Денис открывал почту, и впервые была благодарна собственной неловкости. Теперь он видел только жену, испортившую дорогой лён. Дал поручение умыться — значит, несколько минут меня не будет рядом. Я отпустила край стола и повернулась, стараясь не идти слишком быстро.

Пока он сидел спиной ко мне, поглощенный экраном телефона, я рванула обратно в спальню. Мои ноги несли меня к комоду. Верхний ящик. Тот самый, куда он клал мелочь, ключи и... телефон. Второй телефон. Я видела, как он прячет его там в прошлые выходные, когда думал, что я сплю.

Замок шелкнул, но не открылся. Ключ от основного шкафа не подходил. Я прикрыла дверь ванной и пустила воду в раковине. Если он решит проверить, почему я задержалась, у меня останется совсем мало времени. Паника перехватила горло, пальцы стали липкими от пота.

В наборе после сборки мебели осталась маленькая отвёртка. В щель замка вошла, а дальше пришлось давить обеими руками. Я скрипнула зубами вместе с металлом: вода в ванной не заглушала этот звук. Наконец край замка отогнулся, и я потянула ящик, боясь остаться с отвёрткой в руках, когда войдёт Денис.

Телефон искала первым — даже провела рукой в дальнем углу. Не было. Вынула бархатную коробочку из-под часов. Она оказалась пустой; потраченные секунды стало почти физически жалко.

Часы я видела сегодня на Денисе. Покрутить пустую коробку и положить обратно? Если здесь просто упаковка, откуда взять объяснение сломанному замку? Я отогнула бархатный вкладыш.

В коробке тускло блеснул кусочек пластика. USB-флешка. Черная, с наклейкой «Резерв». Шаги в коридоре остановились. Денис шел обратно.

У меня не было времени думать. Я сунула флешку в лифчик, прижав холодный металл к разгоряченной коже груди. Тело инстинктивно сжалось, флешка впилась в ребра, но я вытерпела. Захлопнула ящик ногой ровно в тот момент, когда ручка двери повернулась.

Денис вошел. Его взгляд скользнул по комоду, задержался на моих щеках, влажных от пота.

— Что ты делаешь? — спросил он тихо. Слишком тихо. Опасно.

Он подошел вплотную. Я чувствовала запах его одеколона и легкого перегара. Он смотрел на ящик комода. Видел, что замок поврежден? Или просто подозревал кражу документов?

— Серьги, — всхлипнула я, опускаясь на колени перед ним, прямо на холодный паркет. — Денис, я искала свои серьги. Те, которые ты подарил мне на годовщину. Они пропали. Я рылась везде... Мне так страшно, что я потеряла их...

Я заплакала. По-настоящему. Не потому что мне было больно от потери украшений, а потому что я вспомнила, как Лика смеялась, называя дом своим. Я использовала технику, которую подсмотрела у любовницы: жалобность, беспомощность, готовность ползать на коленях.

Он посмотрел на мои колени. Руку от комода убрал, но не помог подняться — ждал, пока я сама справлюсь с собой. Я уцепилась за край его пиджака, и он стряхнул пальцы. Флешка давила под бельём. Ещё немного, думала я, ещё две фразы про серьги, и он уйдёт. Подлинные слёзы текли так легко, что притворяться уже не приходилось.

— Встань, — сказал он, но голос смягчился. — Ты найдешь их позже. Или купим новые. Хватит истерик.

Он повернулся и вышел в гостиную, громко говоря по телефону: «Нет, я сказал, сделку заморозить! Пусть ждут!»

Когда он ушёл, я ещё несколько секунд не вставала. Подняла только голову, слушая его разговор. Сделку заморозить. Пусть ждут. Он распоряжался чьими-то деньгами, а я прижимала руку к белью, чтобы флешка не соскользнула. Хотелось рассмеяться от облегчения. Не стала: дверь осталась открыта.

Денис уснул, пока я ещё смотрела в потолок. Дождалась его храпа, вынула флешку и перебралась к ноутбуку. На секунду захотелось выключить свет экрана: слишком ярко, вся спальня видна. Уменьшила яркость. Он даже не повернулся. Подключила носитель и открыла папку с последней датой.

«Операция Вера».

Моё имя среди резервных файлов. Я нажала дважды, потом ещё раз — как будто от числа нажатий зависело, что найду внутри. Архив запросил пароль. Денис часто их менял, мои попытки могли быть напрасными. День рождения Мити, свадьба, мои даты — ни одной он бы сюда не поставил. Попробовала вспомнить, какие цифры однажды назвал сам.

14 октября. Два года назад мы потеряли ребёнка. Я лежала лицом к стене, он гладил меня по волосам и обещал начать заново. «Эта дата будет нашим новым началом». Тогда даже его голос казался спасением. Я стыдилась, что всё ещё помню слова так точно.

Набрала: 14okt2022.

Архив открылся. Сидела, прижав руку ко рту. Наше «новое начало» подошло к папке, в которой меня называли операцией. Проверила дату ещё раз. Всё верно. Больше он её не менял.

Выгрузка Telegram. Собеседник «Lika_Muse». Прокрутила начало: любовных фраз почти не было. Зато счета, часы, отметки о том, что выполнено. Я дернула ворот рубашки, чтобы вдохнуть. Читала следующие строки медленно, с остановками.

«20:00 — Включить верхний свет в спальне. Сделать так, чтобы тени ложились правильно». «Ребенок должен плакать громче. Снимай, когда начнет капризничать». «Фото коляски на фоне проекта ремонта дома Веры. Ракурс снизу вверх, чтобы подчеркнуть масштаб вторжения». «Денис оплатил аренду квартиры на две недели вперед. Если она не уйдет через месяц, переходим к плану Б».

План Б хотелось открыть первым. Удержалась: сняла эти сообщения, проверила, попали ли в кадр даты. Затем прочитала ответ Дениса.

«Лирика, держись в рамках. Ты не любовница, ты исполнительный директор моего личного кризиса. Не смей привязываться к ребенку. Он твой реквизит».

Она держала настоящего младенца. Я видела его пятку, слюну на носке. Этот ребёнок ел и плакал, а Денис писал про реквизит. Отвернулась от монитора, но он лежал рядом в кровати; посмотреть было больше некуда. Вернулась к выгрузке. Каждое сообщение надо сохранить, пока не решил подчистить её вместе со мной.

Делала скриншоты и отправляла в отдельное облако. На одном снимке срезала имя отправителя, пересняла. Под конец пальцы перестали попадать по клавишам. Носитель вынимать пока не стала — дождусь полной загрузки копий.

Простыня зашуршала. Я свернула переписку, открыла AutoCAD. Кухня. Знакомая планировка с островом. Курсор прыгнул к краю чертежа, и я остановила руку, чтобы он не дрожал вместе со мной.

Денис сел на кровати. — Что ты делаешь?

Он смотрел на монитор, а я проверяла, не торчит ли из-за рабочего окна кусочек выгрузки. Ответить пришлось раньше, чем убедилась окончательно. Повернула стул, как делала всегда, когда он заходил обсудить работу. — Не могу уснуть, Денис. Думаю над планировкой гостиной. Там перегородка, если ее убрать, получится огромная кухня-столовая. Я хочу показать тебе вариант с островом. Помнишь, ты говорил, что любишь готовить?

Он посмотрел на линии. Я тоже: дверь, перегородка, длина столешницы. Если спросит размеры, смогу ответить. Пока говорит о кухне, он не спросит, что я только что читала на его флешке. Денис моргнул и перестал сжимать край одеяла.

Денис узнал план кухни. Я повернула монитор так, чтобы он видел остров и размеры прохода. Эту работу могла обсуждать даже сейчас, даже с ним: на чертеже всё находилось на своём месте. Он смотрел на экран, и я не давала курсору уйти к свернутому окну. Ещё минута про ширину столешницы. Потом пусть ложится обратно.

Он встал, подошел сзади, положил руку на мое плечо. Тяжелую, собственническую руку. Наклонился и поцеловал меня в макушку.

— Ты всегда думаешь о доме, Вера, — пробормотал он. — Даже ночью.

Он лег обратно, натянув одеяло до подбородка. Через минуту его дыхание стало ровным.

Я сидела неподвижно, глядя на его спину. На его запястье тикали свежие часы — те самые, из пустой коробки. Секунды отсчитывали время до момента, когда я перестану быть жертвой.

На тумбочке, рядом с подушкой, лежал его основной телефон. Экран вспыхнул уведомлением. Свет был ярким, режущим глаза в темноте спальни.

Я не могла прочитать текст полностью, но видела имя отправителя и первые слова.

Артур. Дело закрыто. Клиент доволен.

Значит, Артур работал на Дениса. Или Денис хотел, чтобы я так думала. После человека у окна я уже не могла считать его имя случайностью. И Денис думает, что всё кончено. Что он победил.

Он ошибается.

Я выдохнула, почувствовав вкус железа во рту. Завтра я найду этого Артура. И узнаю, на кого он работает и какой ценой Денис заплатит за скрип чужой колыбели в нашей спальне.

Глава 5

У ворот заглушила машину и посидела. За день успела объехать три объекта, выслушать двух заказчиков и выругаться с подрядчиком из-за керамики. Дома хотя бы суп был. Утром сварила, прежде чем уехать; осталось разогреть. Я решила есть прямо из кастрюли, если тарелки опять окажутся в посудомойке.

Галина Петровна стояла в прихожей. Платье бордо, банкетное, хотя сегодня гостей не ждали. Увидев меня, подняла подбородок. Я остановилась, всё ещё держа ключ от машины. Не навестить пришла — ждала. Хорошо бы хоть суп съесть прежде, чем начнёт.

— Ты вернулась раньше, — сказала она. — Денис звонил. Сказал, ты снова начала «копать». Он на грани нервного срыва, Вера. Понимаешь? Его давление скачет, он не спит третью ночь из-за твоих подозрений.

Давление. Меня будто вернули к тем дням, когда у нас не стало ребёнка: тогда тоже нельзя было говорить слишком много, Денису и так тяжело. Поставила туфли возле дорожки. Холодный пол немного отрезвил. Можно попросить Галину посторониться, можно дожидаться, пока договорит. Я ждала так много лет. Сегодня хотелось всего лишь дойти до собственной кухни.

— Пройди, — сказала я и шагнула мимо.

Плечом задела её руку. Не нарочно сбить с ног — в прихожей вполне хватало места, чтобы она отошла. Галина отшатнулась и посмотрела мне вслед. Я знала этот взгляд: потом расскажет, что я её толкнула. Диктофон бы включить раньше. Поздно, придётся слушать внимательно хотя бы дальше.

Она пошла за мной. На столешнице лежал старый телефон Дениса, рядом бутерброд, оставленный Ликой. Муж снова «в командировке», а на кухне всё ещё её резинка с блёстками, помада, сладкий запах занавесок. Не выбросила — и теперь сама должна была смотреть. Отодвинула бутерброд за край разделочной доски, поставила кастрюлю на плиту.

Галина села за стол. Салфетку разложила перед собой так аккуратно, будто ей сейчас подадут ужин. Я повернулась к плите. Пусть несколько минут разговаривает с моей спиной, очень полезное упражнение для нас обоих.

— Без его денег ты никто, Вера, — сказала она, перебирая край салфетки. — Твои чертежи, твой дизайн... это всё игрушка для богатых дамочек. А бизнес Дениса — это реальность. Железо, бетон, деньги. Ты разрушаешь то, что мы строили вместе. Эта девчонка, Лика... это временная слабость. Мужчины такие. Им нужно подтверждение своей силы. Ты же умная женщина. Почему бы не простить? Ради общего дела. Ради статуса.

Я помешала суп, выключила плиту и налила в тарелку. По дороге к столу едва не расплескала: запястье ещё болело. Поставила перед ней. Если уж пришла говорить о реальности, вот самая обычная. В моём доме есть еда, которую я готовлю себе. Чтобы здесь поесть, не нужно объявлять меня никем.

— Если ты пришла есть, садись. Если пришла судить — дверь там.

Она уже сидела, но после этих слов поднялась. Салфетка соскользнула на колени, пришлось её ловить. Я ждала, что хлопнет дверью. Так было бы лучше всего. Галина положила салфетку на стол и шагнула ко мне.

— Завтра же расскажу всем соседям, что ты истеричка, которая не может дать мужу наследника, — процедила она. — Тебя выживут из посёлка. Ни одна уважающая себя семья не будет общаться с женщиной, которая устраивает скандалы в собственном доме. Подпиши соглашение о неразглашении семейных тайн. Или узнаешь, каково это — быть изгоем в нашем кругу.

От слова «наследник» я на секунду перестала слышать остальное. Она знала, что мы потеряли ребёнка. Всё равно выбрала именно это. Достала телефон и включила запись, пока

не сказала в ответ что-нибудь, о чём потом пожалею. Хотелось поднести микрофон прямо к её губам: повторите, пожалуйста, для моего адвоката. Но оставила аппарат возле себя.

— Любое слово о моей «истерике» будет использовано как доказательство клеветы в суде при разделе имущества, — сказала я. — И запись угроз я тоже сохраню. Для моего адвоката. Вы хотите усложнить жизнь своему сыну, Галина Петровна? Или вы просто глупая старуха, которая думает, что контроль можно сохранить словами?

Свекровь шагнула к стулу с моей сумкой. Я успела перехватить её руку возле самой застёжки. Прижала к столешнице, остановилась: ещё чуть сильнее — и это уже не защита вещей. Она потянула запястье на себя, я отпустила. Ключи от её машины в моей сумке не лежали. Она прекрасно знала, что я это знаю. Между нами стояла тарелка супа, и от её нелепости хотелось выругаться.

— Не трогай мои вещи, — прошептала я ей в лицо, чувствуя запах её пудры и старого табака. — Ты здесь лишняя.

Галина прижала к себе запястье. Я уже отпустила, но она всё смотрела на мою руку, ожидая следующего движения. Повернула ладонь вверх: вот, ничего больше не делаю. Ей пришлось отойти от сумки. За столом она теперь стояла, не садилась.

И тогда она сказала фразу, которая перевернула всё.

— Девочка получает свои деньги вовремя, если ты будешь умницей, то тоже получишь кусок пирога, — выплюнула Галина, пытаясь вернуть себе позицию «хозяйки положения». — Мой благотворительный фонд «Надежда» курирует её обучение. Это всё легально. Всё через бухгалтерию.

«Благотворительный фонд». «Курирует обучение».

Я перестала поправлять рукав. Обучение. Лика получает деньги из «Надежды» — и Галина только что произнесла это возле моего включённого телефона. Хотелось переспросить название фонда, но тогда она могла спохватиться. Молча проверила, не погас ли экран. Красная точка ещё мигала. Суп в её тарелке остывал во второй раз.

— Хорошо, — сказала я, опуская голову, изображая капитуляцию. — Давай обсудим условия завтра. Я устала.

Галина торжествующе хмыкнула, развернулась и пошла к выходу. Она думала, что сломала меня. Что я согласилась на сделку. На пороге прихожей она споткнулась, роняя свою визитницу из крокодиловой кожи. Она не подняла её сразу, лишь махнула рукой и вышла, хлопнув дверью.

Я медленно подошла к визитнице. Сердце колотилось где-то в горле. Внутри, среди карточек адвокатов и дизайнеров интерьеров, лежала одна, странная. Матовая бумага, тисненый логотип в виде переплетенных колец и надпись золотом: «Отдел кадров спецпроектов. ООО „Вершина“».

«Вершина». Название компании-прокладки, которую я видела в актах, которые копировала Денису пару дней назад. Компания, через которую уходили миллионы «на развитие инфраструктуры».

Убрала визитку в жакет отдельно от остальных карточек. Название «Вершина» в расходах раздражало меня давно: за него нельзя было ухватиться, слишком много одинаковых фирм. Здесь был адрес отдела, номер. Теперь я могла сопоставить их, а не снова слушать Галину про законную благотворительность.

Ночь не давала спать. Я сидела в кабинете Дениса, окруженная его книгами и папками. Свет настольной лампы выхватывал из темноты только мой стол. Я разложила документы: акты, договоры, банковские выписки, которые удалось незаметно скопировать. Рядом лежала визитка Галины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.